

Научная статья
УДК 94(57):911.37
doi: 10.17223/15617793/520/18

Исторические судьбы поселков городского типа республик Сибири и Дальнего Востока в постсоветский период

Елена Евгеньевна Тиникова¹

¹ Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Абакан, Россия, lena.tinikova@mail.ru

Аннотация. Рассматривается изменение социально-экономического значения поселков городского типа в Бурятии, Туве, Хакасии и Якутии с 1991 г. по настоящее время на основе изучения данных официальной статистики. Показаны основные траектории трансформации данного типа поселений в аспекте их людности и экономического потенциала. В результате установлена их значительная роль в поселенческом каркасе республик, несмотря на снижение их количества. Анализ описанных в статье процессов необходим для оценки урбанизации этих республик, а также Сибири и Дальнего Востока в целом.

Ключевые слова: историческая урбанистика, республики Сибири и Дальнего Востока, Бурятия, Тува, Хакасия, Якутия, поселки городского типа

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00500, <https://rscf.ru/project/25-28-00500/>.

Для цитирования: Тиникова Е.Е. Исторические судьбы поселков городского типа республик Сибири и Дальнего Востока в постсоветский период // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 520. С. 173–181. doi: 10.17223/15617793/520/18

Original article
doi: 10.17223/15617793/520/18

Historical destinies of urban-type settlements in the republics of Siberia and the Far East during the post-Soviet period

Elena E. Tinikova¹

¹ *Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Abakan, Russian Federation, lena.tinikova@mail.ru*

Abstract. The article examines the main changes in the socio-economic significance of urban-type settlements in Buryatia, Tuva, Khakassia, and Yakutia from 1991 to the present. Administrative ruralization in the republics of Siberia and the Far East – which became a characteristic phenomenon for the country at the turn of the 21st century – affected only urban-type settlements. The mass disappearance of urban-type settlements at the end of the 20th century, which led to the disintegration of territorial-settlement ties, may become one of the serious threats to security for the sparsely populated regions of the republics of Siberia and the Far East, both in socio-economic, demographic, and military-political aspects. The work uses materials from population censuses, as well as official statistics published on the website of the Federal State Statistics Service. The main research methods in the preparation of the article were statistical and comparative-historical methods. Statistical methods made it possible to trace quantitative changes in the total number of urban-type settlements and the number and dynamics of their population. The comparative-historical method was used to compare facts and processes that took place in different republics and to identify common and special features in the development of their urban-type settlements. In the author's opinion, several stages can be distinguished in the history of the administrative-territorial structure of the republics of Siberia and the Far East in the post-Soviet period: from 1991 to 2002, from 2003 to 2009, and from 2010 to the present. By the beginning of the 1990s, the region was characterized by the maximum number of urban-type settlements for its entire history and by their great role in the settlement network. In subsequent years, their number, the population living in them, and consequently their importance permanently decreased. However, the proportion of the population living in urban-type settlements of the republics under study is higher than the national average. On the one hand, this is conditioned by the poor development of towns – their small number and population – and on the other hand, by large poorly developed areas, access to which is difficult due to the peculiarities of their natural and climatic conditions. In this regard, urban-type settlements are still of great importance here, not only as places for the development and placement of productive forces but also as transport hubs. The probability of a change in the established development trajectory of urban-type settlements – expressed in a decrease in their role in the urban network of the republics, both in terms of the development and placement of productive forces and human resources – is extremely low without additional incentives from government structures and business.

Keywords: historical urban studies, republics of Siberia and the Far East, Buryatia, Tuva, Khakassia, Yakutia, urban-type settlements

Financial support: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 25-28-00500, <https://rscf.ru/project/25-28-00500/>

For citation: Tinikova, E.E. (2025) Historical destinies of urban-type settlements in the republics of Siberia and the Far East during the post-Soviet period. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 520. pp. 173–181. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/520/18

Введение

Вектор урбанизационного развития России после распада Советского Союза резко изменился. Одним из проявлений данных изменений стала судьба поселков городского типа (далее – пгт). Административная рурализация, ставшая характерным для страны явлением рубежа XX–XXI вв., в республиках Сибири и Дальнего Востока затронула исключительно пгт. Это свидетельствует о слабости социально-экономического потенциала тех поселений, которые утратили свой городской статус. Закрытие поселкообразующих предприятий стало для них приговором, а получение статуса сельских населенных пунктов и приобретение в связи с этим соответствующих льгот – одним из механизмов решения проблем. Сегодня поселков городского типа больше нет на Алтае, в Хакасии их осталось 7 из 18 (в 1989 г.), в Бурятии 12 из 33, в Туве 1 из 3, в Якутии 41 из 67. Несмотря на то, что процесс осельчанивания пгт длится уже более тридцати лет и оказывает влияние на сеть городских поселений, их плотность, на процессы урбанизации регионов, он до сих пор не стал предметом отдельного научного исследования. В республиках Сибири и Дальнего Востока отсутствуют какие-либо концепции, позволяющие оценить роль и место пгт в пространстве региона, а также перспективы их развития. Сегодня очевидным является не только факт снижения численности населения пгт, но и вероятность дальнейшей стремительной потери их населения, об этом свидетельствуют как данные статистики, так и социологических опросов, проведенных сотрудниками Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории в 2018, 2021 и 2024 гг. [1].

Анализ современной отечественной историографии показал, что в основном все исследования развития поселков городского типа связаны с изучением особенностей расселения населения пгт, изредка исследуются демографические процессы и социально-экономические проблемы их развития. Плюс ко всему сегодня практически отсутствуют исследования, посвященные развитию пгт в республиках Сибири и Дальнего Востока. Эта проблематика затрагивается лишь в трудах Е.Н. Федоровой (сопоставляются пути развития пгт и малых городов Якутии) [2], М.К. Мандыт и соавт. (пгт как часть сети поселений Тувы) [3, 4], А.С. Бреславского (динамика численности пгт республик Южной Сибири) [5], Е.Е. Тиниковой (жизнь в пгт Саяно-Алтай в эпоху перемен) [6].

Целью данной статьи является рассмотрение изменения роли пгт в республиках Сибири и Дальнего Востока в постсоветский период. Выбор территориальных рамок исследования обусловлен высокой их ролью в автономиях на востоке России в годы советской

власти. Здесь они с учетом слабой развитости сети городских поселений являлись важными звеньями всего поселенческого каркаса региона.

Массовое исчезновение поселков городского типа в конце XX в., приведшее к распаду территориально-поселенческих связей, для малонаселенных районов республик Сибири и Дальнего Востока может стать одной из серьезных угроз безопасности как в социально-экономическом, демографическом, так и военно-политическом аспектах.

В работе использованы материалы переписей населения (далее – ВПН) [7–10], а также данные официальной статистики, опубликованные на сайте Федеральной службы государственной статистики [11]. Основными методами исследования при подготовке статьи явились статистические и сравнительно-исторический методы. Статистические методы позволили проследить количественные изменения в общем числе поселков городского типа, их людности, динамике их населения. Сравнительно-исторический метод применялся при сопоставлении фактов и процессов, происходивших в разных республиках, при вычленении общего и особенного в развитии их пгт.

Роль пгт в регионе в позднесоветский период

Позднесоветский период характеризуется максимальным числом пгт в национальных автономиях Сибири и Дальнего Востока за всю историю развития этого макрорегиона. Общее количество пгт на территории Алтая, Бурятии, Тувы, Хакасии и Якутии, согласно Всесоюзной переписи 1989 г., составляло 124 единицы. С учетом того, что количество городов в изучаемых регионах было относительно невысоким (24 единицы), пгт являлись незаменимым компонентом в структуре городских населенных пунктов. В пгт национальных автономий проживало 618,6 тыс. чел., что составляло более четверти (26,1%) городского населения и пятую часть (20,2%) всего населения.

Средняя людность населения пгт в этот период остановилась в районе 5 тыс. чел. Специфической чертой территориального развития исследуемых автономий была высокая доля (41,1%) небольших по численности (менее 3 тыс. чел.) пгт. При этом законодательно в стране на пгт распространялась норма в 3 тыс. чел. постоянного населения. Это явление имело несколько причин. Во-первых, часть пгт к моменту переписи потеряли существенную часть своего населения, а их расцвет пришелся на более раннюю эпоху, связанную, как правило, с индустриальным освоением территории. В качестве примеров таких пгт можно назвать хакасские поселки Орджоникидзевский, Приисковский, Сон, якутские – Нагорный, Эльгинский, бурятские – Баянгол, Танхой, Холтосон. Во-вторых, на ряд пгт возлагались

надежды на их перспективное экономическое развитие, а следовательно, ожидался и рост их населения. Прежде всего, это были относительно недавно возникшие населенные пункты: Пригорск в Хакасии, Янчукан в Бурятии, Табага в Якутии. В-третьих, масштабы работы поселкообразующих предприятий не предполагали большого количества рабочей силы, поэтому и пгт, организованные вокруг них, никогда не отличались большой численностью. Эта была характерно для поселков городского типа, специализирующихся на добыче полезных ископаемых (слюд, золота и т.д.), а также имеющих на своей территории небольшие предприятия (например, авторемонтный завод или рыбозавод). К числу таких пгт можно отнести алтайскую Веселую Сейку, якутские Предпорожный, Ыныкуан, Бриндакит, Быковский, Канкунский, Ыллымах, бурятскую Ильку. В-четвертых, небольшой численностью традиционно отличались пгт, имеющие статус курортных поселков. В рассматриваемом регионе лишь одно пгт имело подобный статус – Жемчужный в Хакасии. Следует отметить, что в Туве малочисленные пгт в 1989 г. отсутствовали вовсе. Это было связано с утратой статуса пгт поселками Бай-Сют, Нарын и Эми в 1960-е гг. из-за низкой численности их населения. Вместе с тем большинство тувинских городов по квалитетическим нормам по численности населения в большей степени соответствовали статусу пгт, чем городскому: в 1989 г. численность Турана составляла 6 тыс. чел., Шагонара 10,1 тыс., Чадана 10,8 тыс.

В то же время в изучаемых республиках перепись зафиксировала поселки городского типа, численность которых, напротив, превышала квалитетические нормы данного типа поселений – 12 тыс. чел. Общее количество таких пгт составляло 6 единиц. Большинство из них были расположены в Якутии (3 пгт), а также они имели место в Бурятии (2 пгт) и Хакасии (1 пгт). Самым многочисленным из них был якутский поселок городского типа Чульман (17,4 тыс. чел.).

Безусловно, значение пгт в территориальном каркасе каждой из пяти республик разнилось. Наименьшее значение они имели в региональной системе расселения Горно-Алтайской автономной области. В двух пгт проживало 5,6 тыс. чел., что составляло около 3% всех жителей.

Для слабоурбанизированной Тувинской АССР значение пгт также было незначительным. В пгт проживало около 6% всего населения республики и 12,6% городского населения. При этом сами пгт были достаточно людными. В трех пгт проживало 18,3 тыс. чел. Связано это было с их основной функциональной принадлежностью. Кызыл-Мажалык и Хову-Аксы являлись административными районными центрами, в которых находились относительно крупные промышленные предприятия, а Каа-Хем находился в пригородной зоне Кызыла.

Особую категорию поселков городского типа в Хакасии составляли транспортные центры (Сон, Туим, Копьево, Шира при Ачинско-Минусинской железной дороге, Аскиз и Бирикчуль – станции железнодорожной ветки Абакан – Междуреченск). Но функциональная деятель-

ность большинства хакасских пгт была связана с организацией работы предприятий добывающих отраслей промышленности. Средняя численность жителей в одном пгт Хакасии составляла в 1989 г. 5,3 тыс. чел., доля жителей пгт от всего населения Хакасской автономной области – 17%, от городского населения – 23,4%.

Поселковая сеть городских поселений Бурятии также сложилась в результате ее индустриального освоения и развития добывающих отраслей промышленности и промышленности строительных материалов. В отличие от крупных городских поселений, расположенных вдоль Транссибирской магистрали и участков БАМ, бурятские пгт были разбросаны по всей территории республики [12. С. 121]. Часть поселков городского типа выполняла функцию железнодорожных станций по линии Байкало-Амурской магистрали и располагались на севере Бурятии (Кичера, Новый Уоян, Северомуйск, Тоннельный, Янчукан). Средняя численность жителей в одном пгт Бурятии составляла в 1989 г. 5,7 тыс. чел., доля жителей пгт от всего населения республики – 18,2%, от городского населения – 29,5%.

Сложившаяся в конце 1980-х гг. сеть поселков городского типа Якутии, по мнению А.С. Бреславского, можно охарактеризовать как дисперсную [13. С. 71]. Между тем большая их часть располагалась в более комфортных для проживания природно-климатических условиях – в юго-западной и центральной частях Якутской АССР, и лишь некоторые из них находились за полярным кругом и в основном были связаны с разработкой месторождений или выполняли роль транспортных точек на путях следования грузов в отдаленные уголки республики. Средняя численность жителей одного поселка городского типа была относительно невысокой и составляла всего 4,6 тыс. чел., в то время как третья часть населения Якутии проживала в пгт и составляла 43% от всего городского населения.

Пути развития пгт в постсоветский период

Общим трендом для системы расселения республик Сибири и Дальнего Востока стало резкое сокращение числа пгт. Как правило, это было связано с изменением их статуса в пользу сельских поселений. В основном это происходило на фоне резкого сокращения численности населения отдельных пгт. Поэтому некоторые исследователи характеризуют эти процессы как «дезурбанизацию» [14]. Между тем имели место эпизоды, когда пгт, напротив, «дорастали» до статуса городов.

Сценарии развития пгт в постсоветский период, а также сохранение или изменение их административного статуса во многом зависели от следующих факторов: динамики численности их населения в разрезе миграционного и естественного прироста/убыли; изменения характера занятости большинства трудоспособного населения в контексте изменения или сохранения доминирующей функции городского населенного пункта; степени развитости социальной инфраструктуры пгт, подчеркивающей их несельский статус.

Можно выделить несколько основных вех в истории административно-территориального устройства субъектов России в современный период. Этап с 1991 по 2002 г. характеризуется «приспособлением советской системы административно-территориального деления к постсоветскому политическому и экономическому пространству» [15. С. 46]. В эти годы «разжалование» многих пгт в сельские поселения было обусловлено ликвидацией поселкообразующих предприятий или значительным снижением объемов их деятельности, и вследствие этого резким падением численности населения. По этим причинам в сельские населенные пункты были преобразованы: в 1991 г. пгт Гоуджекит Республики Бурятия, 1994 г. пгт Акташ и пгт Сейка Республики Алтай, в 1995 г. пгт Бельтырский и в 2001 г. пгт Приисковский Республики Хакасия, в 1999 г. пгт Быковский, Бестях, Ольчан, Сарылах Республики Якутия.

Еще одна группа пгт, сменивших свой статус на сельский, – административные районные центры. К ним относятся бурятский пгт Иволгинск (с 1991 г. село), тувинский пгт Кызыл-Мажалык (с 1996 г. село). Следует отметить, что подобная практика смены статуса административных районных центров с городского на сельский была распространена уже в позднесоветский период. Так, три бурятских пгт (Багдарин, Кырен, Хоринск) еще в 1990 г. стали селами. Для этой группы пгт характерно в целом сохранение населения или незначительная его потеря.

Отдельной категорией, ставшими сельскими населенными пунктами, можно считать поселки, являющиеся железнодорожными станциями. К их числу относятся хакаские пгт Балыкса (с 1996 г. село), пгт Бирикчуль (с 1996 г. село) и пгт Сонский (с 1997 г. село).

Особое место среди новых сельских поселений занимают малочисленные пгт Якутии, численность населения которых составляла в 1990-е гг. менее 500 чел. Речь идет о пгт Якокут (с 1993 г. село) и пгт Чагда (с 2001 г. село).

В 1990-е гг. в Якутии было ликвидировано ряд поселений золотодобытчиков АО «Куларзолото» и АО «Индибирзолото» в связи с их нерентабельностью в новых сложных транспортно-экономических условиях [16. С. 228]. В результате 1998 г. были упразднены пгт Власово, пгт Кулар и пгт Тенкели. В 2001 г. были упразднены еще два пгт: Канкунский и Лазо [17. С. 564]. Якутия стала единственной республикой, в которой пгт были не просто преобразованы в сельские населенные пункты, а полностью упразднены, а их население расселено. Эта политика в отношении пгт в целом была характерна для северных регионов Дальнего Востока. Так, упразднение «нерентабельных поселков» в 1990-е гг. осуществлялось в Магаданской области, Чукотке, Камчатском крае [18. С. 251–252, 271].

Помимо прочего, особенностью административно-территориального развития Якутии стало появление двух новых пгт в 1991 г.: Заречный Олекминского района и Кыл-Бастах Орджоникидзевского района. Правда, они просуществовали в этом статусе совсем недолго. В 1997 г. пгт Кыл-Бастах был включен в черту

пгт Покровск, а пгт Заречный стал сельским населенным пунктом в 2007 г.

Уникальным регионом с точки зрения динамики развития поселенческой сети делает Якутию тот факт, что в 1997 г. пгт Нюрба и пгт Покровск были отнесены к категории городов. Это примечательный факт в истории урбанизации восточных регионов России. Дело в том, что в 1990-е гг. помимо двух якутских пгт лишь пгт Яровое Алтайского края получило статус города. Нюрба и Покровск относятся к микрогородам, так как численность населения каждого из них на протяжении последних тридцати лет колеблется в районе 10 тыс. чел. Будучи еще с советских времен центром освоения алмазных месторождений, Нюрба остается привлекательной для инвестиций крупных корпораций [19. С. 55], что, несмотря на малочисленность, позволяет ей удерживать свой городской статус. Покровск находится в зоне влияния столичного Якутска, и его развитие во многом зависит от прочности установившихся с ним связей [20. С. 187].

Таким образом, в период с 1991 по 2002 г. доминирующим сценарием развития поселков городского типа изучаемого региона стало сохранение их статуса. 80% пгт остались поселками, лишь 20% (25 пгт) из них сменили свой статус. При этом преимущественно (80% из них) они были преобразованы в сельские населенные пункты. По этому пути прошли все утратившие свой статус поселки городского типа Алтая, Бурятии, Тувы и Хакасии. Сценарии развития пгт в Якутии оказались более разнообразными. В республике в эти годы помимо шести поселений пгт, ставших сельскими, пять пгт были ликвидированы, два получили статус городов. Кроме того, здесь появились два новых пгт, просуществовавших относительно недолго.

В 2003–2010 гг. продолжалась трансформация административно-территориального устройства изучаемых регионов страны. За этот период исчезло еще 35 пгт. Значительную роль в данном процессе сыграла муниципальная реформа 2003–2009 гг. Согласно новому законодательству пгт могли существовать в качестве городских поселений только в муниципальных районах. То есть существовавшая до этого практика наличия в городских округах помимо города других пгт была отменена [21. С. 5]. Поэтому часть пгт вошла в состав соседних городов на правах их микрорайонов с лишением прав местного самоуправления. По оценкам исследователей, это негативно сказалось на социальной инфраструктуре бывших пригородных пгт, что незамедлительно выразилось в оттоке из них молодежи и трудоспособного населения [22. С. 319].

В 2004 г. в состав Якутска вошли пгт Марха и пгт Кангалассы. В отличие от малочисленного Кангалассы, численность которого на момент вхождения в городскую черту столицы составляла менее 2 тыс. чел., Марха представляла собой достаточно крупный поселок с развитой транспортной и социальной инфраструктурой. Численность населения в нем согласно переписи 2002 г. равнялась 12 тыс. чел. В состав Якутского городского округа на правах сельских поселений вошли пгт Маган и Табага. В состав муниципального образования городское поселение «Город

Томмот» вошли поселки городского типа Безымянный и пгт Ыллымах. В Бурятии в 2009 г. в состав Улан-Удэ были включены два пригородных пгт: Заречный и Сокол. Общая численность двух поселков на тот момент составляла 18,5 тыс. чел.

В Якутии в 2000-е гг. сохранилась практика ликвидации пгт. В 2005 г. в республике был упразднен пгт Северный. Это явилось отголоском кризиса золотодобывающей отрасли в регионе. Поселок, который в свое время являлся базой комбината «Куларзолото», к этому времени фактически обезлюдил. Перепись 2002 г. зафиксировала здесь всего 77 жителей. В 2008 г. также были упразднены пгт Бриндакит, пгт Предпорожный, пгт Ыныкчанский, пгт Эльгинский. Жители поселений к этому моменту практически все переехали в другие места, а их дома зачастую использовались старателями, приезжающими на сезонные работы.

Интересна судьба бурятского пгт Тоннельный. Расположенный на Байкало-Амурской магистрали, он, несмотря на свою малочисленность (менее 500 чел. по переписи 2002 г.), вплоть до 2004 г., когда был сдан в эксплуатацию Северомуйский тоннель, сохранял свой городской статус. Затем он был закрыт, но в связи с затянувшимся расселением жителей окончательно упразднен только в 2009 г.

Однако, как и ранее, большинство пгт, утративших свой статус, были преобразованы в сельские населенные пункты. Это 12 пгт в Бурятии, 1 пгт в Туве, 4 пгт в Хакасии и 4 пгт в Якутии. Причины этих административно-территориальных преобразований оставались прежними. Закрытие или сокращение объемов работы поселкообразующих предприятий привело к появлению новых сельских поселений. Речь идет о бурятских Баргузине, Баянголе, Выдрино, Гусином Озере, Ильинке, Ильке, Новоильинске, Новокижингинске, Турке, Селендуме, Холтосоне, Чикое, тувинском Хову-Аксы, хакасских Коммунаре и Туиме.

Процесс смены статуса малочисленных поселков городского типа продолжился и в 2000-е гг. В Якутии в состав сельских населенных пунктов в 2005 г. перешел Большой Нимныр. В 2008 г. селом стал и относительно молодой Заречный, получивший статус поселка в 1991 г.

В Хакасии два поселка городского типа, являющиеся административными районными центрами, были преобразованы в села. В 2008 г. реорганизован в сельский населенный пункт пгт Шира, в 2010 г. – пгт Копьево. Численность первого поселка составляла 9 тыс. чел, второго – немногим более 4 тыс. чел.

Таким образом, к 2010 г. суммарно почти половина существовавших в 1991 г. поселков городского типа изучаемых республик перестали существовать в данном статусе. При этом большая часть из них (58,3%) утратила свой статус именно в годы проведения муниципальной реформы. Как и прежде, большинство поселков городского типа (2/3) получили статус сельских населенных пунктов, остальные были либо упразднены, либо после установления новых границ муниципальных образований вошли в состав близлежащих городов. В этот период в пределах Сибирского и Дальневосточного федеральных

округов в отличие от остальных федеральных округов России не появилось ни одного нового городского поселения. Поэтому фактически произошла административная рурализация региона.

С 2010 г. в России продолжалось реформирование территориальной организации местного самоуправления. Исследователи при его характеристике используют термин «малая муниципальная реформа» [23. С. 571] или «обратная реформа» [24. С. 63]. В изучаемых республиках в эти годы не произошло коренной ломки системы административно-территориального устройства. В отличие от предыдущих лет на этом этапе изменение статуса пгт протекало значительно менее масштабно. Сменили свой статус на сельский три пгт: в 2013 г. бурятские пгт Джиды и пгт Танхой, хакасский курортный поселок Жемчужный. Также в 2019 г. был упразднен якутский пгт Нагорный.

В результате нескольких волн административно-территориальных преобразований, характерных для постсоветской России, в исследуемых республиках из 124 существовавших пгт к 2025 г. сохранили свой статус лишь 61. Как и прежде, они остаются преобладающей формой городских поселений, но их разреженность, а порой и деградация способствуют тому, что именно города сегодня являются центрами, стягивающими все людские и инфраструктурные ресурсы. Такая система не является устойчивой и несет в себе определенные риски в аспекте социально-экономической стабильности региона, демографической и миграционной безопасности. Положение в указанных республиках может осложняться наличием так называемого национального фактора, слабой заселенностью и освоенностью территорий, приграничным их расположением. В пгт республик Сибири и Дальнего Востока в 2020 г. проживало 235,3 тыс. чел., что более чем в 2,5 раза меньше, чем в 1989 г. Доля населения, проживающего в пгт, в 2020 г. составляла 13,3% городского населения Бурятии, Тувы, Хакасии и Якутии (Республика Алтай за неимением пгт не учитывалась). Тем не менее этот показатель выше, чем в целом по европейской части (5,8%) и азиатской части (8,4%) России.

В постсоветский период снизилась людность населения пгт. Сейчас в изучаемом регионе средняя людность пгт составляет 3,9 тыс. чел. В Бурятии 3 пгт имеют численность населения ниже нормы в 3 тыс. чел., в Хакасии – 2 пгт, в Якутии – 22 пгт. При этом население 8 якутских пгт имеет численность менее 500 чел. Все они связаны с добычей полезных ископаемых и драгоценных металлов, закрытие нерентабельных поселкообразующих предприятий привело к оттоку населения.

За последние десятилетия изменилось количество и состав пгт численностью выше 12 тыс. чел. Общее количество таких пгт составило 3 единицы: по одному поселку в Туве, Хакасии и Якутии. Хакасский Усть-Абакан и тувинский Каа-Хем являются пригородами региональных столиц, этим и обуславливается их многолюдность. Якутский Айхал является динамично развивающимся пгт. Несмотря на отдаленное расположение от крупных городских центров, монопрофильный характер экономики, поселок развивается благодаря

деятельности градообразующего предприятия Айхальский ГОК (ЗАО «АК «АЛРОСА»). Айхал является редким исключением монопрофильных поселков, где на градообразующем предприятии занято 58% жителей трудоспособного возраста [25. С. 13].

Высокие темпы роста населения в постсоветский период характерны для тувинского пгт Каа-Хем. Численность его населения с 1989 по 2025 г. увеличилась в 2,8 раз и составляет на 1 января 2025 г. (согласно БД МО Росстата) 20 142 чел. Это самый многочисленный пгт в изучаемом регионе. Причем рост его населения связан не только с высоким естественным приростом, но и миграционным. В 2010-е гг. в пгт наблюдался высокий показатель общего коэффициента естественного прироста (среднегодовой за десятилетие 12,7 промилле), затем произошел его спад в связи со снижением рождаемости и ростом смертности населения. Любопытно, что в первой половине 2020-х гг. в пгт наблюдается прирост населения за счет миграции, в том числе внешней (для республики). 42% прибывших в пгт в эти годы мигрантов (1 671 чел.) были из других регионов страны. Близость к Кызылу, ежедневная маятниковая миграция с ним, наличие рабочих мест в поселке благодаря деятельности Кызыльской ТЭЦ, птицефабрики, рыбозавода, угольного разреза позволяют прогнозировать дальнейший уверенный рост его населения.

Из семи оставшихся пгт Хакасии только один Пригорск показал рост населения с 1989 г. Закономерно, что он входит в состав городского округа Черногорск и является его пригородом. В Якутии прирост населения с 1989 г. зафиксирован только в трех пгт: Жатай, Нижний Бестях и Айхал, речь о котором уже шла выше. Поселки Жатай и Нижний Бестях являются пригородами Якутска. В Бурятии во всех оставшихся 12 пгт численность населения в постсоветский период перманентно снижалась.

Бывшие пгт в новых реалиях

Большинство пгт, утративших свой административный статус в постсоветский период, были преобразованы в села. Однако полученные преференции в качестве сельских населенных пунктов не смогли остановить продолжающийся отток населения из них. Безработица, снижение уровня жизни выталкивало молодежь и трудоспособное население из новообразованных сел. В результате только 12 из 39 новых сел относятся к категории крупных с населением свыше 3 тыс. чел., 12 к категории больших сел с населением от 1 тыс. чел. до 3 тыс. чел., 12 к категории средних сел с населением от 100 до 1 тыс. чел., 2 малых с численностью населения менее 100 чел. и одно село (Сарылах в Якутии) полностью обезлюдело. При этом только в двух селах – бывших пгт численность жителей выросла (Иволгинск в Бурятии, Маган в Якутии) или осталась прежней (Ильинка в Бурятии).

В Туве оба села – бывших пгт – относятся к категории крупных. Динамика численности их населения, согласно БД МО Росстата, характеризуется положительным естественным приростом и отрицательным мигра-

ционным. Естественный прирост населения не компенсирует миграционные потери. Численность населения обоих сел постепенно снижается. Причем если первоначально Хову-Аксы терял свое население более стремительно, так как многие покинули населенный пункт в 1990-е гг. в связи с закрытием градообразующего предприятия «Тувакобальт», то в XXI в. численность его населения относительно стабилизировалась при сохранении небольшой миграционной убыли. Оба села являются административными центрами кожуунов, что позволяет им оставаться точкой притяжения для населения района. Но миграционный отток населения из кожуунов, а также районных центров в Кызыл не позволяет поддерживать имевшийся потенциал этих территорий [26. С. 145].

Из 11 новых сел – бывших пгт Хакасии – семь имеют численность населения выше 1 000 чел., остальные относятся к категории средних сел. Малые села в этой группе сельских поселений отсутствуют. Во всех новообразованных сельских населенных пунктах в постсоветский период наблюдалось снижение численности населения, связанное с его миграционной убылью. Следует отметить, что отток населения из этих поселений начался еще в советский период, когда они имели статус пгт. Так, поселки городского типа Балыкса, Орджоникидзевский и Приисковский стали терять свое население еще в середине XX в. Сокращение людности поселков Бирикчуль, Коммунар, Сонский и Туим фиксировалось с 1960-х гг. В остальных пгт резкое сокращение численности населения связано с ухудшением социально-экономической ситуации в позднесоветский и постсоветский периоды. В последние годы во всех бывших пгт Хакасии, как и в целом в сельских поселениях республики, наблюдается миграционный отток населения в города [27. С. 62].

В Бурятии подавляющее большинство новых сел – бывших пгт имеет численность населения выше 3 тыс. чел., лишь три села относятся к категории средних. На фоне общего снижения численности населения в новых селах выделяется село Иволгинское, население которого с 1989 г. выросло в 1,3 раза и составило в 2020 г. почти 8 тыс. чел. Сведения из БД МО Росстата свидетельствуют о том, что рост численности населения села был связан с естественным приростом его населения, а также практически нулевым миграционным оборотом. Отсутствие оттока населения из Иволгинска является следствием сохранения основной социально-бытовой инфраструктуры поселения, доставшейся в наследство с советских времен, туристической его привлекательностью [28], сохранением относительно высоких доходов его жителей [29. С. 278]. Исследователями также отмечается сохранение ожидаемого числа детей в Иволгинске, приближенного к трем (2,902) [30. С. 60].

В постсоветский период в Якутии 11 пгт были преобразованы в сельские населенные пункты. Из них лишь три села относятся к категории больших, пять – к категории средних, два – малых. Одно село полностью исчезло. Как и в остальных республиках, здесь наблюдается отток населения из новых сел – бывших

пгт. Исключением является село Маган, расположенное на территории городского округа «город Якутск», что и обусловило рост численности его населения.

Ставшие в 1997 г. городами, Покровск и Нюрба имеют различную динамику социально-экономического и демографического развития. Нахождение Покровска в зоне якутской городской агломерации стимулирует его экономическое развитие и соответственно положительно влияет на динамику численности его населения [31]. Несмотря на небольшое снижение численности населения Нюрбы, город, специализирующийся на алмазодобывающей промышленности, имеет весьма отчетливые перспективы, так как здесь находится фабрика, которая «является одной из самых современных в мировой алмазодобывающей промышленности по уровню примененных технологий» [32. С. 373].

Результаты

Таким образом, в истории административно-территориального устройства республик Сибири и Дальнего Востока в постсоветский период можно выделить несколько этапов: с 1991 г. по 2002 г., с 2003 г. по 2009 г., с 2010 г. по настоящее время. К началу 1990-х гг. изучаемый регион характеризовался максимальным числом пгт за всю его историю и их большой ролью в территориальном каркасе расселения. В последующие годы их количество, численность проживающего в них населения, а следовательно, и их значение permanently снижались. В результате в Бурятии пгт составляют 66,7% всех городских поселений и в них проживает 10% городского населения, в Туве эти показатели составляют 16,7 и 10,8% соответственно, в Хакасии – 58,3 и 10,4%, в Якутии – 74,1 и 18,6%.

Доля населения, проживающего в пгт, в исследуемых республиках выше, чем в среднем по стране. Особенно высока она в Якутии. Это, с одной стороны, продиктовано слабой развитостью городов, их небольшим количеством и людностью, с другой – большими, слабо

освоенными пространствами, доступ к которым затруднен в силу особенностей их природно-климатических условий. В связи с этим здесь до сих пор велико значение пгт не только как мест развития и размещения производительных сил, но и как транспортных узлов. Динамичнее всего развиваются поселки – спутники городов, особенно пригороды республиканских столиц. Несколько уступают им в динамике численности населения поселки городского типа, выполняющие функции районных центров. Развитие данных групп пгт связано с их удобным географическим расположением, транспортной доступностью, относительной доступностью объектов социально-бытовой инфраструктуры. Однако большинство пгт региона не выдержали испытаний эпохи. Несмотря на сохранение своего статуса, многие из них деградировали.

Вероятность изменения заданной траектории развития поселков городского типа, выражающейся в снижении их роли в городской сети республик в плане развития и размещения производительных сил и людских ресурсов, без дополнительного стимулирования со стороны властных структур и бизнеса крайне низка. На фоне дискуссий о механизмах управления пространственным развитием России в республиках следовало бы всерьез обсудить и разработать собственные программы пространственного развития. В них следовало бы включить серьезно проработанные вопросы использования имеющегося исторического опыта развития пгт и их инфраструктурных ресурсов. Значимость роли пгт в этом ключе особо велика для воплощения в жизнь идей развития в стране опорных населенных пунктов, поскольку многие из пгт могли бы выступать в этом качестве. Также возрождение старых концепций территориального развития экономики страны (концепции территориально-производственных комплексов, научно-производственных объединений) в форме территориальных кластеров также могут способствовать возрождению и первоначальных функций поселков городского типа.

Список источников

1. Рукописный фонд Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Ф. С-6. Оп. 2. Д. 2312.
2. Федорова Е.Н. Пути развития малых городов и поселков городского типа в Республике Саха (Якутия) // Региональная экономика: теория и практика. 2009. № 14 (107). С. 52–56.
3. Мандыт М.К. Территориальные особенности формирования и расселения населения Республики Тыва: специальность 25.00.24 «Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география»: дис. ... канд. геогр. наук. 2021. 231 с.
4. Мандыт М.К., Гончиков Ц.Д. Роль и значение системы расселения в территориальном развитии республики Тыва // География и природные ресурсы. 2019. № S5 (159). С. 185–191. doi: 10.21782/GIPR0206-1619-2019-5(185-191)
5. Бреславский А.С. Поселки городского типа в процессах постсоветской трансформации городского расселения в Забайкалье и на Дальнем Востоке // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2024. № 4. С. 90–98. doi: 10.24866/1997-2857/2024-4/90-98
6. Тиникова Е.Е. Поселки городского типа республик Саяно-Алтая: жизнь в эпоху перемен // Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР: материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Владивосток, 10–11 ноября 2022 г. Владивосток: Дальневост. федер. ун-т, 2022. С. 97–101.
7. Всесоюзная перепись населения 1989 г. Численность городского населения РСФСР, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу // Демоскоп Weekly. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg2.php (дата обращения: 14.01.2025).
8. Всероссийская перепись населения 2002 г. Численность городского населения России, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу // Демоскоп Weekly. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus02_reg2.php (дата обращения: 14.01.2025).
9. Всероссийская перепись населения 2010 г. Численность населения городских населенных пунктов Российской Федерации // Демоскоп Weekly. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus10_reg2.php (дата обращения: 14.01.2025).
10. Итоги ВПН – 2020. Т. 1. Численность и размещение населения // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom1_Chislennost_i_razmeshchenie_naseleniya (дата обращения: 14.01.2025).
11. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики (Росстат). URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 14.01.2025).
12. Асташова И.А. Основные тенденции трансформации городской поселенческой структуры Республики Бурятия в конце 1980-х – начале 2000-х гг. // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 14. С. 120–123.
13. Бреславский А.С. Процессы урбанизации в Республике Саха (Якутия): динамика ключевых параметров (1989–2018) // Урбанистика. 2020. № 1. С. 68–81. doi: 10.7256/2310-8673.2020.1.32402
14. Зуляев Ю.А. Дезурбанизация Байкальского региона на рубеже XX–XXI вв. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2009. № 1. С. 48–58.

15. Шульгина О.В. Особенности, этапы и факторы формирования административно-территориального деления России // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2009. Т. 2, № 5. С. 38–48.
16. Присяжный М.Ю. Актуальные проблемы преобразования отдельных категорий поселений Якутии // Научный аспект. 2013. № 2-2. С. 226–230.
17. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года : в 14 т. Т. 1. Численность и размещение населения. М. : Статистика России, 2004. 574 с.
18. Бреславский А.С. Трансформация городского и пригородного расселения в Забайкалье и на Дальнем Востоке России (конец 1980-х – начало 2020-х гг.): специальность 5.6.1. «Отечественная история»: дис. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2025. 473 с.
19. Томских А.А. Городские поселения Дальнего Востока в итогах десятилетнего приоритета демографии // Вестник Забайкальского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 49–57. doi: 10.21209/2227-9245-2024-30-3-49-57
20. Титов Э.А. Зоны влияния городов Дальнего Востока: современное состояние и перспективы развития // Регион: Экономика и Социология. 2021. № 1 (109). С. 173–202. doi: 10.15372/REG20210107
21. Ворошилов Н.В. Муниципально-территориальное устройство в России: адаптация к разнообразию // Вопросы территориального развития. 2017. № 2 (37). С. 1–15.
22. Симагин Ю.А. Динамика системы малых городских населенных пунктов России в начале XXI века // Социально-экономические и демографические аспекты реализации национальных проектов в регионе : сб. ст. X Уральского демографического форума : в 2 т. Екатеринбург, 10–11 июня 2019 г. / отв. ред. О.А. Козлова. Т. I. Екатеринбург : Ин-т экономики Уральского отделения РАН, 2019. С. 316–323.
23. Слатинов В.Б. Муниципальная реформа в Российских регионах: средство контроля над местным самоуправлением или механизм развития территорий // Россия: тенденции и перспективы развития: Ежегодник, Курск, 05–06 июня 2018 года / отв. ред. В.И. Герасимов. Вып. 13, ч. 2. Курск : Ин-т науч. информации по общ. наукам РАН, 2018. С. 568–571.
24. Бондарь В.Н., Дементьев В.Н. Федеральные параметры оценки реформ территориальной организации местного самоуправления в Российской Федерации // Проблемы и перспективы развития местного самоуправления в Российской Федерации : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 17 апреля 2019 года / под ред. Л.Т. Чихладзе. М. : Рос. ун-т дружбы народов (РУДН), 2019. С. 61–68.
25. Метелева Е.Р., Светник Т.В. Новые города в Сибири как драйверы пространственного развития: вызовы и перспективы // Известия Байкальского государственного университета. 2022. Т. 32, № 1. С. 7–15. doi: 10.17150/2500-2759.2022.32(1).7-15
26. Харунова М.М.Б., Харунов Р.Ш. Особенности формирования городского расселения в Туве в советский период // Новые исследования Тувы. 2021. № 3. С. 137–147. doi: 10.25178/nit.2021.3.11
27. Лушникова О.Л. Потенциал развития сельских территорий (на примере Республики Хакасия). Абакан : Кн. изд-во «Бригантина», 2020. 212 с.
28. Гырылова Н.В., Бабинов В.А. Туристско-рекреационный потенциал аграрного (сельского) туризма в Иволгинском районе Республики Бурятия // Курортно-рекреационный комплекс в системе регионального развития: инновационные подходы. 2017. № 1. С. 101–104.
29. Дондоков З.Б.Д., Башкуева Е.Ю., Васильев Б.С., Губаева И.В., Дырхеев К.П. Исследование доходов и расходов домашних хозяйств сельских поселений // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2014. № 3 (15). С. 275–280.
30. Лыгденова В.В., Дашинамжилов О.Б. Современные репродуктивные установки бурятского населения Иволгинского района Республики Бурятия: по материалам полевых исследований // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. Т. 26, № 2. С. 57–62. doi: 10.15372/HSS20190211
31. Кычкин А.А., Данилова Л.И. Якутская городская агломерация как драйвер экономического развития республики Саха (Якутия) // Современные подходы к управлению муниципальным образованием на Севере : сб. трудов науч.-практ. конф., Якутск, 12 апреля 2023 года. Якутск : Издательский дом СВФУ, 2023. С. 156–161.
32. Константинов Н.Н. Прогноз и перспективы развития добычи полезных ископаемых западной экономической зоны Республики Саха (Якутия) // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2021. Т. 11, № 11-1. С. 369–377. doi: 10.34670/AR.2021.37.86.043

References

1. Manuscript Fund of the Khakass Research Institute of Language, Literature and History. Fund S-6. List 2. File 2312.
2. Fedorova, E.N. (2009) Puti razvitiya malykh gorodov i poselkov gorodskogo tipa v Respublike Sakha (Yakutiya) [Development Paths of Small Towns and Urban-Type Settlements in the Republic of Sakha (Yakutia)]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika -- Regional Economics: Theory and Practice*. 14 (107). pp. 52–56.
3. Mandyt, M.K. (2021) *Territorial'nye osobennosti formirovaniya i rasseleniya naseleniya Respubliki Tyva* [Territorial Features of Population Formation and Settlement in the Republic of Tyva]. Geography Cand. Diss.
4. Mandyt, M.K. & Gonchikov, Ts.D. (2019) Rol' i znachenie sistemy rasseleniya v territorial'nom razvitii respubliky Tyva [The Role and Significance of the Settlement System in the Territorial Development of the Republic of Tyva]. *Geografiya i prirodnye resursy -- Geography and Natural Resources*. S5 (159). pp. 185–191. doi: 10.21782/GIPRO206-1619-2019-5(185-191)
5. Breslavskiy, A.S. (2024) Poselki gorodskogo tipa v protsessakh postsovetsoy transformatsii gorodskogo rasseleniya v Zabaykal'e i na Dal'nem Vostoke [Urban-Type Settlements in the Processes of Post-Soviet Transformation of Urban Settlement in Transbaikalia and the Far East]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke -- Humanities Research in the Russian Far East and Eastern Siberia*. 4. pp. 90–98. doi: 10.24866/1997-2857/2024-4/90-98
6. Tinikova, E.E. (2022) Poselki gorodskogo tipa respublik Sayano-Altaya: zhizn' v epokhu peremen [Urban-Type Settlements of the Sayan-Altai Republics: Life in an Era of Change]. In: *Problemy modelirovaniya sotsial'nykh protsessov: Rossiya i strany ATR* [Problems of modeling social processes: Russia and the Asia-Pacific region]. Conference Proceedings. Vladivostok. 10–11 November 2022. Vladivostok: FEFU. pp. 97–101.
7. Demoskop Weekly. (2025) *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1989 g. Chislennost' gorodskogo naseleniya RSFSR, ee territorial'nykh edinit, gorodskikh poseleniy i gorodskikh rayonov po polu* [All-Union Population Census of 1989. Urban Population of the RSFSR, Its Territorial Units, Urban Settlements and Urban Districts by Sex]. [Online] Available from: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg2.php (Accessed: 14.01.2025).
8. Demoskop Weekly. (2025) *Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2002 g. Chislennost' gorodskogo naseleniya Rossii, ee territorial'nykh edinit, gorodskikh poseleniy i gorodskikh rayonov po polu* [All-Russian Population Census of 2002. Urban Population of Russia, Its Territorial Units, Urban Settlements and Urban Districts by Sex]. [Online] Available from: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus02_reg2.php (Accessed: 14.01.2025).
9. Demoskop Weekly. (2025) *Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2010 g. Chislennost' naseleniya gorodskikh naselennykh punktov Rossiyskoy Federatsii* [All-Russian Population Census of 2010. Population of Urban Settlements of the Russian Federation]. [Online] Available from: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus10_reg2.php (Accessed: 14.01.2025).
10. Rosstat. (2020) *Itogi VPN – 2020. T. 1. Chislennost' i razmeshchenie naseleniya* [Results of the 2020 All-Russian Population Census. Vol. 1. Population Size and Distribution]. [Online] Available from: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom1_Chislennost_i_razmeshchenie_naseleniya (Accessed: 14.01.2025).
11. *Ofitsial'nyy sayt Federal'noy sluzhby gosudarstvennoy statistiki (Rosstat)* [Official Website of the Federal State Statistics Service (Rosstat)]. [Online] Available from: <https://rosstat.gov.ru/> (Accessed: 14.01.2025).
12. Astashova, I.A. (2013) Osnovnye tendentsii transformatsii gorodskoy poselcheneskoj struktury Respubliki Buryatiya v kontse 1980-kh – nachale 2000-kh gg. [Main Trends in the Transformation of the Urban Settlement Structure of the Republic of Buryatia in the Late 1980s – Early 2000s]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 14. pp. 120–123.

13. Breslavskiy, A.S. (2020) Protsessy urbanizatsii v Respublike Sakha (Yakutiya): dinamika klyuchevykh parametrov (1989–2018) [Urbanization Processes in the Republic of Sakha (Yakutia): Dynamics of Key Parameters (1989–2018)]. *Urbanistika -- Urban Studies*. 1. pp. 68–81. doi: 10.7256/2310-8673.2020.1.32402
14. Zulyar, Yu.A. (2009) Dezurbanizatsiya Baykal'skogo regiona na rubezhe XX–XXI vv. [Deurbanization of the Baikal Region at the Turn of the 20th–21st Centuries]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*. 1. pp. 48–58.
15. Shul'gina, O.V. (2009) Osobennosti, etapy i faktory formirovaniya administrativno-territorial'nogo deleniya Rossii [Features, Stages and Factors of Formation of the Administrative-Territorial Division of Russia]. *Problemy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie -- Problem Analysis and Public Administration Projection*. 2 (5). pp. 38–48.
16. Prisyazhnyy, M.Yu. (2013) Aktual'nye problemy preobrazovaniya otdel'nykh kategoriy poseleniy Yakutii [Current Problems of Transformation of Certain Categories of Settlements in Yakutia]. *Nauchnyy aspekt*. 2-2. pp. 226–230.
17. Rosstat. (2004) *Itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2002 goda: v 14 t. T. 1. Chislennost' i razmeshchenie naseleniya* [Results of the All-Russian Population Census of 2002: in 14 vols. Vol. 1. Population Size and Distribution]. Moscow: Statistika Rossii.
18. Breslavskiy, A.S. (2025) *Transformatsiya gorodskogo i prigorodnogo rasseleniya v Zabaykal'e i na Dal'nem Vostoke Rossii (konets 1980-kh – nachalo 2020-kh gg.)* [Transformation of Urban and Suburban Settlement in Transbaikalia and the Russian Far East (Late 1980s – Early 2020s)]. History Dr. Diss. Ulan-Ude.
19. Tomskikh, A.A. (2024) Gorodskie poseleniya Dal'nego Vostoka v itogakh desyatiletneogo prioriteta demografii [Urban Settlements of the Far East in the Results of the Decade-Long Demographic Priority]. *Vestnik Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta -- Transbaikalian State University Journal*. 30 (3). pp. 49–57. doi: 10.21209/2227-9245-2024-30-3-49-57
20. Titov, E.A. (2021) Zony vliyaniya gorodov Dal'nego Vostoka: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya [Zones of Influence of Far Eastern Cities: Current State and Development Prospects]. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya -- Region: Economics and Sociology*. 1 (109). pp. 173–202. doi: 10.15372/REG20210107
21. Voroshilov, N.V. (2017) Munitsipal'no-territorial'noe ustroystvo v Rossii: adaptatsiya k raznoobraziyu [Municipal-Territorial Structure in Russia: Adaptation to Diversity]. *Voprosy territorial'nogo razvitiya*. 2 (37). pp. 1–15.
22. Simagin, Yu.A. (2019) Dinamika sistemy malyykh gorodskikh naselennykh punktov Rossii v nachale XXI veka [Dynamics of the System of Small Urban Settlements in Russia at the Beginning of the 21st Century]. In: Kozlova, O.A. (ed.) *Sotsial'no-ekonomicheskie i demograficheskie aspekty realizatsii natsional'nykh proektov v regione: sb. st. X Ural'skogo demograficheskogo foruma: v 2 t.* [Socio-economic and demographic aspects of the implementation of national projects in the region: collection of articles from the Ural Demographic Forum: in 2 volumes] Yekaterinburg. June 10–11, 2019. Vol. 1. Yekaterinburg: IE UB RAS. pp. 316–323.
23. Slatinov, V.B. (2018) Munitsipal'naya reforma v Rossiyskikh regionakh: sredstvo kontrolya nad mestnym samoupravleniem ili mekhanizm razvitiya territoriy [Municipal Reform in Russian Regions: A Means of Control over Local Self-Government or a Mechanism for Territorial Development]. In: Gerasimov, V.I. (ed.) *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya: Ezhegodnik, Kursk, 05–06 iyunya 2018 goda* [Russia: Trends and Development Prospects: Yearbook, Kursk, June 5–6, 2018]. Iss. 13, Pt. 2. Kursk: INION RAS. pp. 568–571.
24. Bondar', V.N. & Dement'ev, V.N. (2019) Federal'nye parametry otsenki reform territorial'noy organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii [Federal Parameters for Assessing Reforms of the Territorial Organization of Local Self-Government in the Russian Federation]. In: Chikhladze, L.T. (ed.) *Problemy i perspektivy razvitiya mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii* [Problems and Prospects for the Development of Local Self-Government in the Russian Federation]. Proceedings of the All-Russian Conference. Moscow. April 17, 2019. Moscow: RUDN. pp. 61–68.
25. Meteleva, E.R. & Svetnik, T.V. (2022) Novye goroda v Sibiri kak drayvery prostranstvennogo razvitiya: vyzovy i perspektivy [New Cities in Siberia as Drivers of Spatial Development: Challenges and Prospects]. *Izvestiya Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 32 (1). pp. 7–15. doi: 10.17150/2500-2759.2022.32(1).7-15
26. Kharunova, M.M.B. & Kharunov, R.Sh. (2021) Osobennosti formirovaniya gorodskogo rasseleniya v Tuve v sovetskiy period [Features of Urban Settlement Formation in Tuva during the Soviet Period]. *Novye issledovaniya Tuvy*. 3. pp. 137–147. doi: 10.25178/nit.2021.3.11
27. Lushnikova, O.L. (2020) *Potentsial razvitiya sel'skikh territoriy (na primere Respubliki Khakasiya)* [Development Potential of Rural Territories (on the Example of the Republic of Khakassia)]. Abakan: Kn. izd-vo "Brigantina".
28. Gyrylova, N.V. & Babikov, V.A. (2017) Turistsko-rekreatsionnyy potentsial agrarnogo (sel'skogo) turizma v Ivolginskom rayone Respubliki Buryatiya [Tourist and Recreational Potential of Agrarian (Rural) Tourism in the Ivolginsky District of the Republic of Buryatia]. *Kurortno-rekreatsionnyy kompleks v sisteme regional'nogo razvitiya: innovatsionnye podkhody*. 1. pp. 101–104.
29. Dondokov, Z.B.D., Bashkueva, E.Yu., Vasil'ev, B.S., Gubaeva, I.V. & Dyrkheev, K.P. (2014) Issledovanie dokhodov i raskhodov domashnikh khozyaystv sel'skikh poseleniy [Study of Incomes and Expenditures of Households in Rural Settlements]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*. 3 (15). pp. 275–280.
30. Lygdenova, V.V. & Dashinamzhirov, O.B. (2019) Sovremennyye reproduktivnyye ustanovki buryatskogo naseleniya Ivolginskogo rayona Respubliki Buryatiya: po materialam polevykh issledovaniy [Contemporary Reproductive Attitudes of the Buryat Population of the Ivolginsky District of the Republic of Buryatia: Based on Field Research Materials]. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri*. 26 (2). pp. 57–62. doi: 10.15372/HSS20190211
31. Kychkin, A.A. & Danilova, L.I. (2023) Yakutskaya gorodskaya aglomeratsiya kak drayver ekonomicheskogo razvitiya respubliki Sakha (Yakutiya) [The Yakutsk Urban Agglomeration as a Driver of Economic Development of the Republic of Sakha (Yakutia)]. In: *Sovremennyye podkhody k upravleniyu munitsipal'nym obrazovaniem na Severe* [Modern approaches to municipal management in the North]. Conference Proceedings, Yakutsk. April 12, 2023]. Yakutsk: NEFU. pp. 156–161.
32. Konstantinov, N.N. (2021) Prognoz i perspektivy razvitiya dobychi poleznykh iskopayemykh zapadnoy ekonomicheskoy zony Respubliki Sakha (Yakutiya) [Forecast and Development Prospects for Mineral Extraction in the Western Economic Zone of the Republic of Sakha (Yakutia)]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra*. 11 (11-1). pp. 369–377. doi: 10.34670/AR.2021.37.86.043

Информация об авторе:

Тиникова Е.Е. – канд. ист. наук, старший научный сотрудник отдела международных и межрегиональных связей Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (Абакан, Россия). E-mail: lena.tinikova@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.E. Tinikova, Cand. Sci. (History), senior research fellow, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History (Abakan, Russian Federation). E-mail: lena.tinikova@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.03.2025;
одобрена после рецензирования 23.03.2025; принята к публикации 28.11.2025.

The article was submitted 06.03.2025;
approved after reviewing 23.03.2025; accepted for publication 28.11.2025.